

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РУССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ПАРИЖЕ

М.Б. Буланова

Кафедра теории и истории социологии
Российский государственный гуманитарный университет
ул. Вильгельма Пика, 4, Москва, Россия

В статье описывается первая модель социологического образования, разработанная Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским и получившая реальное воплощение в начале XX в., когда в Париже была открыта Русская высшая школа общественных наук.

Основателями Русской высшей школы общественных наук в Париже были известные российские социологи — М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, Ю.С. Гамбаров. Задумана она была как своего рода просветительное учреждение — группа специалистов при русском отделе Всемирной выставки 1900 г. Е. Семенов вспоминал, что за несколько месяцев до открытия всемирной выставки 1900 г. корреспонденты русских газет в Париже собрались для обсуждения вопроса о своей профессиональной деятельности во время выставки. Е.В. Де Роберти, присутствовавший на этом собрании, высказал мысль о необходимости объединения русских журналистов во время работы выставки с целью создания центра для русской интеллигенции в Париже. Снова эта идея прозвучала во время первого завтрака русской печати, устроенного в честь открытия выставки. Е.В. Де Роберти сформулировал ее несколько иначе — он говорил о необходимости создания Россией своей национальной группы для организации на выставке лекций по всем отраслям знания. Так на завтраке печати в Париже зародилась идея о первом центре для русской интеллигенции — группы международной ассоциации для развития наук, искусств, воспитания. Душой группы и непосредственным исполнителем идеи Де Роберти стал М.М. Ковалевский, который при непосредственном участии московского профессора Ю.С. Гамбарова сформировал русскую группу, функционировавшую во время работы выставки [5. С. 458—459].

Выработанный русской группой устав предусматривал цель «споспешествовать учреждению: а) международных высших школ научных знаний и международных университетов, б) постоянных центров научных международных сведений и личных сношений между русскими и иностранными учеными, литераторами

и художниками» [5. С. 460]. На основании этого устава инициаторы создания группы решили продолжать деятельность ее и после закрытия выставки. В течение целого учебного сезона 1900/1901 г. читались лекции. Достаточно назвать таких лекторов, как И.И. Мечников, М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, Ю.С. Гамбаров, чтобы понять, каким успехом увенчался этот опыт. Тогда деятели русской группы после нескольких совещаний и переговоров с русскими профессорами и учеными решили весной, в конце 1900/1901 учебного года, перейти от опыта, от случайного учреждения, к постоянному. Открытие высшей русской школы социальных знаний было назначено на начало 1901/1902 учебного года [5. С. 460].

Говоря о задачах этой Школы, М.М. Ковалевский указывает две главные причины, сделавшие возможным ее существование. Во-первых, то обстоятельство, что общественные вопросы приобрели к концу XIX — началу XX вв. то же преобладающее значение, какое в XVI и XVII вв. имели вопросы религиозные, а в XVIII — политические. Во-вторых, со времени выхода в свет «Курса положительной философии» О. Конта открылась возможность построения систематической науки об обществе и указан тот индуктивно-дедуктивный метод, с помощью которого она может быть создана [2. С. 438—439]. М.М. Ковалевский считал, что Русская школа будет освещать русскую действительность и русское прошлое. Но так как ни то, ни другое не может быть понято без историко-сравнительного освещения, необходимо присутствие в программе Школы систематических курсов и об общественном и политическом развитии других стран. Среди последних обязательными для всех школ социальных наук являются курсы истории экономического развития Европы или ее политических учреждений [2. С. 441].

Открытие Школы стало крупным событием в жизни русского общества. В первые дни и недели пришло множество поздравлений из России. Как основатели, так и слушатели не сомневались в том, что в Париже, в рамках русской школы, открылся «настоящий социологический факультет» [5. С. 467].

Обучение в Школе было бесплатным, в нее принимались все подавшие прошение, без каких-либо документов об образовании. С первых дней Школа привлекла значительное число слушателей — до двухсот записавшихся после первой недели (в день открытия было всего 120). Больше половины слушателей, желавших учиться в Школе, приехали специально с этой целью из России [5. С. 463].

Для поддержки деятельности Школы во Франции был создан специальный комитет, в состав которого вошли многие влиятельные лица, в том числе и известные ученые: А. Эспинас, Э. Реклю, Г. Тард. Администрация школы (во всяком случае, формально) состояла из трех французов: писателя П. Адана, депутата А. Берто и профессора Э. Дельбе. Благодаря назначению французских руководителей (директоров) Школа получила легальный статус и была официально признана наравне со всеми другими вольными учреждениями страны, т.е. причислена к ведомству Министерства народного просвещения.

Русская школа общественных наук имела кафедры «по истории экономического и социального строя и религиозного, литературного и умственного движения в России». Тем самым был снят вызывавший в Европе дискуссию вопрос о том, где и как должна быть организована самостоятельная кафедра социологии.

Говоря о включении в программу Школы преподавания социологии, М.М. Ковалевский подчеркнул: «В нашей школе социология, как наука не сложившаяся, будет преподаваться более с точки зрения ее метода и научных задач. При изложении науки об обществе мы будем иметь в виду одновременно указания и на те вопросы, которые могут считаться более или менее решенными, и на те, которых нельзя не признать открытыми» [2. С. 441].

М.М. Ковалевский считал, что сочетание систематических курсов с коллективным обсуждением отдельных вопросов обществознания позволит определить и утвердить статус социологии среди других общественных наук. Это положение было характерным для разработанной им модели социологического образования. Кроме того, достаточно символичным, как считал русский ученый, был способ стараться изучать социологию там, где она зародилась, и в том городе и университете, где выбор профессоров по социальным предметам был особенно богат. В процессе работы Школы предполагалось знакомить слушателей не только с достижениями русской науки, но и с успехами социологии во Франции. Не только личные убеждения Ковалевского, но, главное, общий дух, который господствовал в Школе, способствовали преподаванию социологии в духе позитивизма. Большинство профессоров, работавших в Школе, «примыкало к позитивной философии Огюста Конта в ее широкой интерпретации такими учителями, как Милль, Литтре, Тэн, Ренан» [5. С. 466].

Организаторы Школы ставили своей задачей объединить различные дисциплины таким образом, чтобы дать слушателям целостное представление об обществе, его истории, культуре, государственных институтах. Высшими принципами преподавания были провозглашены научность и свободный обмен идеями. Пожалуй, именно эти принципы позволили в дальнейшем утвердить статус социологии как учебной и академической дисциплины. Одним из главных требований к курсам была систематичность преподавания и четкое определение границ предложенных обществоведческих дисциплин. Так называемые прикладные отрасли обществознания были отнесены к компетенции высших профессиональных школ (юридических факультетов, школ архивистов, журналистов, дипломатов, промышленных и торговых школ).

Программы всех дисциплин строились таким образом, чтобы помимо объявленных курсов слушатели имели возможность посещать отдельные лекции по наиболее важным проблемам (обычно в вечерние часы). Лекции Л.И. Мечникова, М.М. Ковалевского, Ю.С. Гамбарова пользовались огромным успехом у русской молодежи, приехавшей прослушать курс в медицинской школе или на юридическом факультете Сорбонны и испытывавшей недостаток знаний по истории, литературе, экономике. По сведениям В.П. Хопрова, на этих лекциях собиралось до 300—350 слушателей [6. С. 471].

В учебный план Школы входил широкий круг дисциплин: история, археология, география, этнография, статистика, экономика, мораль, политика, художественное творчество различных видов — от литературы и музыки до живописи и пластики. Ставилась задача показать, что связь между ними не является случайной, что «те конкретные знания, на которых возвышается еще не достроенное здание социологии» и которые рассеяны по разным школам, на самом деле объ-

единены одной наукой «о законах, управляющих ростом общественности». М.М. Ковалевский подчеркивал насущную задачу: сломать ту дурную традицию, согласно которой считалось в порядке вещей обрекать каждого, без помощи университетского образования, обращаясь лишь к журнальной критике и газетным фельетонам, осмысливать связь поступательного развития живописи и литературы с переживаемой обществом эволюцией» [3. С. 54—55].

В 1901/1902 учебном году читались следующие социологические курсы: «Курс общей социологии» Е.В. Де Роберти, «Социология в России» Н.И. Кареева. Среди систематических курсов — «Философия и методология общественных наук», «Всеобщая история и описательная социология», «Социальная криминология». В качестве дополнительных курсов предлагался, в частности, курс Л. Лакура «Феминизм и положение его в Европе и в мире вообще». Предусматривались практические работы по общественным наукам под руководством М.М. Ковалевского. Для диспута был предложен вопрос о техническом прогрессе и начале режима крупной промышленности [5. С. 462—463].

Небольшое количество собственно социологических курсов не противоречило сущности Школы как первого социологического факультета. Во-первых, социология в Школе понималась как синтез всех конкретных наук об обществе.

Во-вторых, в условиях острой нехватки времени и денег, как у профессоров, так и у студентов основной задачей обучения могла стать только задача ознакомления слушателей с методами отдельных наук об обществе и иллюстрации этих методов на частных вопросах.

В-третьих, частая смена предметов была связана и оправдана такой же частой сменой лекторов.

В-четвертых, преподавание в Школе по примеру высших школ и факультетов Франции никогда не сводилось к сообщению элементарных знаний по всем вопросам, входящим в официальные программы, с чем, по-видимому, до сих пор в России связывают представление о полноте и систематичности.

В-пятых, сочетание систематических курсов с коллективным обсуждением отдельных вопросов общественнознания дало возможность восполнить неизбежные пробелы в отдельных вопросах.

Задачи работы профессоров со слушателями строились полностью на принципе добровольности и заинтересованности студентов. Содержание преподавания и методы работы со слушателями Школы были новаторскими, и, несмотря на короткий период ее существования, стали ценным экспериментом по внедрению первой модели социологического образования, теоретически разработанной Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским. Результаты этого опыта были использованы при создании первой кафедры социологии в России.

В деятельности Школы был обобщен накопленный к тому времени европейский и американский опыт постановки социологического образования. Многие идеи, которые «носились в воздухе», были восприняты организаторами Школы и творчески воплощены в жизнь.

Среди таких идей, например, идея Р. Вормса об организации социологической лаборатории. Такая лаборатория, по мысли автора, должна быть основана на идее объединения и сближения отдельных социальных наук. Социологическая

работа не под силу ученым-одиночкам: в их распоряжении не имеется в достаточном количестве ни личных, ни материальных сил и средств. Социологическая лаборатория, говорит Вормс, должна быть учреждением постоянным, объединяющим работу социологов; здесь возможен постоянный, свободный и непосредственный обмен мнениями; профессора и учащиеся могли бы работать совместно — одни самостоятельно, другие под руководством более компетентных коллег; такая совместная работа двух поколений могла бы иметь весьма существенное научно-воспитательное значение.

Лаборатория могла бы стать местом проведения конференций, где ученые делали бы сообщения о достигнутых ими результатах. Таким путем достигалась бы цель непрерывного и непосредственного обмена мыслей между научными силами, что и должно было бы вести к единству работы [1. С. 121—122].

Следовательно, в деятельности Школы можно выделить две взаимосвязанные стороны. Она была жизненной потребностью всего мирового социологического сообщества и практической реализацией той модели социологического образования, которая была разработана выдающимися русскими социологами — Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ивановский В.В.* Социология как наука и как предмет преподавания во Франции // Социология в России XIX — начала XX веков. — Вып. 1 / Под ред. В.И. Добренькова. — М., 1997.
- [2] *Ковалевский М.М.* Задачи русской высшей школы общественных наук // Социология в России XIX — начала XX веков. — Вып. 1 / Под ред. В.И. Добренькова. — М., 1997.
- [3] *Кукушкина Е.И.* Социологическое образование в России XIX — начала XX в. — М., 1994.
- [4] Русская высшая школа в Париже. Список главных курсов 1902/1903 учебный год // Социология в России XIX — начала XX веков. Вып. 1 / Под ред. В.И. Добренькова. — М., 1997.
- [5] *Семенов Е.* Высшая русская школа в Париже // Социология в России XIX — начала XX веков. — Вып. 1 / Под ред. В.И. Добренькова. — М., 1997.

SOCIOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIAN HIGHER SCHOOL OF SOCIAL SCIENCES IN PARIS

M.B. Bulanova

History and Theory of Sociology Chair
Russian State University for the Humanities
Vilhelm Pieck str., 4, Moscow, Russia

The article describes the first model of sociological education developed by N.I. Kareev and M.M. Kovalevsky and implemented in Paris in Russian School of Social Sciences at the beginning of the XXth century.